

АЛЕКСАНДРА ШЕРВИНСКАЯ

СЭМ И РОМАШКА

ТРОН ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

Руалльские хроники

Александра Шервинская

**Сэм и Ромашка.
Трон почти не виден**

«Автор»

2026

Шервинская А.

Сэм и Ромашка. Трон почти не виден / А. Шервинская —
«Автор», 2026 — (Руалльские хроники)

Казалось бы, помолвка с самым настоящим эльфийским принцем - мечта любой девушки, даже если она гномская княжна и прекрасно знает, что сама о себе не позаботишься - никто не позаботится. Но проблема в том, что принц княжне Саманте, которую друзья зовут просто Сэм, достался не совсем обычный, и за трон ещё придётся побороться. Ну а попутно найти для вампиров Кольцо, пристроить куда-то привидения, которые без Башни окажутся бездомными, сплавить непристроенных претенденток, отпраздновать четыре свадьбы, наладить производство настоек и мочёных яблок, открыть академию для фамильяров, выяснить, какие зловещие планы строит Боргел на Изнанке.... В общем, скучать точно будет некогда! Но энергичной Сэм только того и надо!**ВНИМАНИЕ!** Дилогия "Сэм и Ромашка" является **ПРОДОЛЖЕНИЕМ** дилогии "Диагноз: не женат" и входит в цикл "Руалльские хроники".**ВНИМАНИЕ!** ПЕРВАЯ КНИГА ДИЛОГИИ И ТРЕТЬЯ КНИГА СЕРИИ!

© Шервинская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александра Шервинская

Сэм и Ромашка. Трон почти не виден

Глава 1

Саманта

За расшитыми пышными маками и розанами занавесками, украшавшими окна трактира, плавился тягучий летний полдень. Воздух снаружи стал таким густым и плотным, что его, казалось, можно было резать ножом, как знаменитый десерт «Каменная падь» — легенду гномьей кухни, тяжёлый, состоящий из уваренного мёда, жжёного сахара, толчёных орехов и сушёных ягод можжевельника. Вот и воздух, проникавший в трактир с улицы, был таким же: сладким, немного пряным, с нотками разомлевшей на жаре полыни и прокалённого липового цвета.

Солнце висело прямо над соломенными крышами Колдунов, нещадно заливая слепящими светом всё, до чего только могло дотянуться. Но в этой жаре не было ни зла, ни угрозы, ни ожесточения, а лишь сладкая истома, благодушная лень и философское отношение ко всему окружающему пространству. Деревня оцепенела: даже самые наглые мухи жужжали как-то без огонька, словно по обязанности.

Земля изнывала от зноя: просёлочная дорога, прибитая колёсами телег до каменной твёрдости, пошла глубокими чёрными трещинами, похожими на разломы в скальной породе. В центре деревенской площади воздух дрожал и струился маревом, искажая очертания недавно подновлённого колодезного журавля — он то вытягивался до небес, то складывался пополам, словно детская кукла. От плетней поднималось вязкое тепло, пахнущее сухим деревом, душистой травой и совсем немного — дымом.

Даже старый цепной пёс забыл свою службу: он распластался в жидкой тени деревянной будки, вывалив язык и лишь изредка тяжело вздыхая во сне.

В самом трактире царили благословенный полумрак и прохлада. Я медленно провела пальцем по запотевшему краю глиняной кружки с холодным ягодным морсом. Капельки влаги скатывались по ней извилистыми дорожками, оставляя прозрачные следы на красноватой глине.

Там, снаружи, жизнь будто замерла, засахарившись в сиропе собственного жара, да и здесь время тоже загустело, превратилось в тягучую янтарную смолу. Хотелось сидеть вот так вечно, без единой мысли в голове, слушать негромкий разговор трактирщика Митрия с Ромашкой, чувствовать кожей пальцев ледяной холод кружки и смотреть, как плавится мир там, где заканчивается спасительная тень трактирного порога.

Деревня со странным, но забавным названием Колдуны понравилась мне сразу, хотя я заранее уже была настроена доброжелательно. Разве может оказаться плохим место, где выросла такая чудесная и добрая Линда?

Вообще-то мы, гномы, не очень легко сходимся с представителями других рас, да нам оно не очень-то и надо, мы более чем самодостаточны. Поэтому слухи о нашей недоверчивости, склонности и нереальной прагматичности старательно распространяются и поддерживаются нами же. Чтобы, так сказать, отсеивать любопытных ещё на дальних подступах, потому как ни к чему лезть в наши дела и пытаться диктовать свои правила.

Нет, на самом деле мы, конечно, чрезвычайно высоко ценим в разумных и деловую хватку, и умение вести дела, и рациональный подход к большинству вопросов. Но друзей — а их у нас, как правило, бывает мало — выбираем сердцем. Наверное, папенька со мной не согласился бы, но я всегда была немного «белой вороной», как сказали бы люди. Любовь к цифрам и точным расчётам во мне, ко всеобщему удивлению, всегда уживалась с непонятно

откуда взявшимся авантюризмом. Вот даже не сомневаюсь, что папенька — втайне ото всех — не раз и не два проверил всеми мыслимыми и немыслимыми артефактами своё отцовство, так как откуда у до мозга костей прагматичного и расчётливого князя Орхона Ригеррского могла уродиться я — загадка, оказавшаяся не по зубам ни одному из приглашённых магов.

Маменька, которая года три назад, убедившись, что я в состоянии сама о себе позаботиться и не превращусь в подобие князя Орхона, уехала к себе в Хрустальное ущелье и с тех пор в княжеский дворец даже не показывалась, наверное, могла бы что-нибудь прояснить. Но не хотела, так как характером обладала — куда там папеньке!

В общем, жизнь моя в родном Ригеррском княжестве текла достаточно спокойно, мирно, я бы даже сказала, сонно. Я занималась счетами, проверяла договоры, читала книги по экономике и планировала, как начну управлять своим первым прииском.

Поэтому, когда папенька пригласил меня к себе в кабинет и даже не стал орать с порога, я поняла: случилось нечто из ряда вон выходящее. Оказалось, что Шар Судьбы по каким-то только ему ведомым причинам назвал моё имя среди десяти претенденток, которым повезло — или не повезло, тут уж как посмотреть — стать участницами императорского Отбора невест.

— Саманта, — сказал тогда папенька, — я, конечно, не верю в то, что ты победишь в Отборе, но это неплохой шанс устроить свою судьбу. Замуж тебе всё равно выходить надо, так почему бы не присмотреть кого-нибудь из столичных гномов? Там есть вполне достойные семьи, те же Ферроузы, к примеру. Сам-то Вилли староват уже для тебя, да и женат он, к тому же родня близкая — троюродный брат твоей матери, но у него племянников штук десять, так что выясни, кому он планирует оставить дело, — и вперёд. Или Коррулз, допустим: у них в ведении все меняльные лавки Руаллы. Чем не вариант?

— Это вы мне Тео Коррулза предлагаете? — скривилась я, вспомнив толстого, вечно потеющего коротышку Тео, который был на голову ниже меня и при этом килограммов на сорок тяжелее. — Интересно, за что вы меня так не любите, папенька?

— Чего это вдруг? — поморщился князь Орхон, который, как я прекрасно знала, терпеть не мог подобных разговоров. — Нормальная партия, не самая удачная, конечно, но, скажи мне, Саманта, какой гном в твёрдом уме и трезвой памяти на тебе женится? Ты же не девушка, а сплошная головная боль! А столичные, они могут быть не в курсе поначалу, а потом уже всё, поздно будет.

— Это дядя Вилли не в курсе?! — я удивлённо посмотрела на папеньку. — Да он про меня наверняка больше знает, чем я сама!

— Ничего не желаю слышать, — папеньке надоело со мной пререкаться и он решительно стукнул кулаком по столу. Кулак был внушительный, силушкой боги князя Орхона тоже не обидели, но и стол был вполне себе, так что, как говорится, разошлись краями: уцелели и кулак, и стол.

Вот так я и попала на Отбор, и теперь готова была простить папеньке и отвратительный характер, и непомерную авторитарность, так как именно Отбор перевернул мою судьбу с ног на голову, но при этом ничего более восхитительного в моей пока не очень долгой жизни со мной не случилось!

Во-первых, я нашла здесь друзей, а ведьма Розалинда, будущая жена императора Эдуарда, вообще стала моей лучшей и самой близкой подругой, почти сестрой. С учётом того, какими змеищами были мои реальные сестрицы, я была просто счастлива, что в моей жизни появилась Линда, или Лин, как постепенно начали её звать все в нашей немаленькой компании.

Во-вторых, я встретила Ромашку, который вообще-то был не то беглым, не то похищенным эльфийским принцем, но для меня это не имело никакого значения. Вот бывает так: встретишь кого-то и понимаешь, что это тот самый кусочек мозаики, которого так не хватало в твоей личной картине мира. И когда он, этот фрагмент, встал на своё законное место, всё наконец-то стало правильно. Причём чувство это возникло у меня ещё тогда, когда я впервые увидела

Ромашку, который так-то Романнувиэль из клана Серебряной Лилии, в образе простого парня, секретаря Линды. Это потом я узнала, что он принц, и это стало приятным — чего врать-то? — бонусом.

Сириус тоже обзавёлся приятелями-фамильярами, количество которых неуклонно продолжало увеличиваться, словно природа вообще решила снять любые ограничения на обзаведение волшебными зверями. По идее, кроме нас с Лин никто из нашей компании не мог обладать фамильяром, разве что Янисса, но её змейка Нисси, скорее, просто часть оборотницы, а не фамильяр. А тут и вампирам достались, и Эдуарду, и что-то мне подсказывает, что это далеко не конец.

И вот сейчас мы прибыли в деревню Колдуны достаточно большой компанией: мы с Ромашкой, Эдуард с Линдой, Янисса с Арктуром и Кристофер. Естественно, наши фамильяры тоже отправились с нами: после недавнего бунта мы старались не нарушать договорённости и всегда брали их с собой. Так что Крис, Сириус, Нисси, Карлос и Китти тоже прибыли в Колдуны в составе, так сказать, столичной делегации.

И вот сейчас все кроме нас с Ромашкой отправились на обзорную экскурсию по деревне, а я осталась в трактире дожидаться ответа на отправленный магическим вестником вопрос. Ну и Ромашка, само собой, никуда без меня не пошёл, тем более что чего он в этих окрестностях не видел?

— Митрий, — окликнула я трактирщика, который тут же поспешил ко мне, — а скажи, сколько примерно бочек яблок ты можешь заготовить за сезон? Если при этом не прекращать работу в трактире?

— Ну, — бывший начальник Ромашки задумчиво пожевал губами и почесал в затылке, — ежели цель такую поставить и помощников взять, то десятков шесть-семь бочек смогу.

— Отлично! — я довольно потёрла ладошки, уже представляя, какой фурор произведёт незатейливая по деревенским понятиям еда в подгорных лавках. — Сейчас дождёмся ответа и составим договор, чтобы всё честь по чести. А потом его величество распорядится, чтобы тут, в Колдунах, поставить постоянный торговый портал. У тебя же наверняка ещё что-нибудь такое же вкусное есть?

— А как же, — вступила в беседу внимательно слушавшая Фрисса, жена Митрия, — капуста квашеная, и простая, и сладкая, и с клюквой, и с брусникой... Грибочки солёные, сало, варенье всякое.

— Заранее хочу попросить, — я улыбнулась этой чудесной женщине, — вы мне пару больших корзин яблок оставьте, очень уж я их люблю и обожаю. А в цене сойдемся...

— Ой, леди Саманта, — отмахнулась Фрисса, — ежели год урожайный, то яблок здесь — телегами собирают, а девать некуда! Иногда даже портятся, так выбрасываем...

— Яблоки?! Выбрасываете?! — я, при моей бесконечной любви к этому продукту, даже представить себе такое не могла. — Никогда больше так не делайте, ладно? Я буду всё-всё забирать, а потом есть! По десять... нет, по двадцать штук в день!

Ромашка хотел что-то сказать по этому поводу, но промолчал, так как прямо передо мной на стол шлёпнулся небольшой конвертик, принесённый магическим вестником.

— О, а вот и ответ! — я быстро вскрыла послание и мысленно издала победный вопль: там было именно то, что я и хотела увидеть. — Отлично, Митрий, нас с тобой ждут великие дела! Сейчас составим договор и я сразу выплачу аванс, чтобы всё было по правилам.

— Да какой аванс, леди! — попытался возразить трактирщик, но Ромашка что-то шепнул ему на ухо, и тот послушно замолчал.

— Тридцать золотых нормально будет? — уточнила я, не поднимая глаз и по памяти перенося на бумагу текст стандартного торгового договора, а потому не сразу отреагировав на повисшую в трактире тишину.

— Сколько? — неверяще переспросил трактирщик, странно глядя на меня.

— Мало? Давайте больше, не вопрос, — тут же откликнулась я, но, глядя на веселящегося Ромашку, сообразила, что, видимо, я чего-то не понимаю в местных расценках.

— Куда ж больше-то? — прошептал Митрий, глядя на меня, как на живое воплощение Странника. — Это ж какие деньжищи-то!

— Сэм, на рынке во время ярмарки ведро отборных мочёных яблок стоит максимум одну серебряшку, а подальше от городов и того меньше, — пояснил Ромашка.

— Да ладно! — неверяще воскликнула я и призналась. — Я договорилась с троюродным кузеном моего папеньки, господином Тариххом, которому принадлежат почти все продуктовые лавки в княжестве, что он получит яблоки по льготной цене — пять золотых за ведро сладких и три золотых за ведро тех, что с зелёной приблудой. В бочке, насколько я понимаю, около десяти вёдер, так что...

— Три... золотых?? — кажется, в голове Митрия никак не укладывалась названная мной сумма. — Так кто же это за простые яблоки такие огромные деньги платить станет?!

— Видишь ли, Митрий, — я поняла, что нужны объяснения, иначе трактирщик решит, что я сумасшедшая, — мы, гномы, живём под горами, у нас там вообще ничего не растёт, то есть вот вообще ничего, и мы всё закупаем наверху, у людей, орков или эльфов. И, как правило, это самые обычные продукты: мука, мясо, крупы, масло, молоко, овощи, сахар, соль... ну, ты понимаешь. А всё, что выходит за рамки стандартного набора, считается уже деликатесом, то есть стоит дорого. Иногда — очень дорого. И я совершенно точно могу сказать, что такую роскошь, как твои мочёные яблоки, просто с руками оторвут.

— Можешь не сомневаться, Митрий, — поддержал меня Ромашка, — если уж леди Саманта говорит, что дело выгодное, то так оно и есть. Её, между прочим, сам господин императорский казначей ценит очень высоко, и вампиры предлагают сотрудничество. Представляешь?

— Ну эти-то, как про них говорят, ложку мимо рта не пронесут, — задумчиво согласился Митрий, — так что согласный я, леди Саманта. Где чего подписывать надо?

Глава 2

Ромашка

Честно говоря, перед тем, как снова переместиться в Колдуны, я изрядно нервничал, так как даже не представлял, как моё почти окончательно пробудившееся эльфийское сознание отреагирует на возвращение в то место, где меня нашли год назад сердобольные крестьяне, дай им Странник всех благ и урожая хорошего. А ведь могли и не заметить или просто оставили бы валяться под кустом, приняв за бродягу или пьяного. И не было бы тогда... а вообще ничего не было бы. Стоит подумать об этом, и прямо мороз по спине, честное слово!

Но, как это обычно и бывает, действительность оказалась намного прозаичнее всего того, что я себе напридумывал. Выйдя из портала, я на какое-то время просто потерялся в потоках свежего воздуха, заблудился в ароматах леса, трав и цветов, осознав, как безумно, просто до обморока скучал по всему этому в каменных стенах замка и уж тем более в Башне. Я стоял и никак не мог надышаться, жадно глотал свежий ветер, подставлял лицо солнцу, всей кожей впитывал изумительный лесной воздух. А всё остальное оказалось настолько обыденным, что я даже как-то слегка расстроился: какой-то я слишком бесчувственный для эльфа. Или наоборот — излишне эмоциональный? Просто я не имел ни малейшего представления о том, как отреагировал бы на такое возвращение Романнувиэль из клана Серебряной Лилии, а не славный парень с забавным именем Ромашка. И, что характерно, я до сих пор не был уверен, что действительно хочу это знать.

Несмотря на то, что я пообещал Саманте вернуть себе трон, сомнения не переставали грызть меня: я не был до конца уверен, что хочу этого. Ведь статус принца — это не только приятные моменты и восстановление в правах, это ещё и необходимость тщательного расследования всего произошедшего. Почему я оказался в Башне? За что тот Эдуард меня туда упрятал? Как и когда я перешёл дорогу Боргелу и каким загадочным образом смог сбежать из Башни, единственный из всех узников? И ведь список вопросов этим не ограничивается! Хотелось бы выяснить, куда делся Перстень Королей, который, как оказалось, доверили мне и который я куда-то дел, знать бы ещё — куда. Почему вампиры отдали его именно мне? Какие отношения меня с ними связывали? Ну и на сдачу, как говорится, пара вопросов, касающихся моей семьи. Почему меня никто не искал? Причастны ли мои родственники к тому, что со мной произошло? Ведь надел же на меня кто-то эту странную серьгу, в магии которой никто не может разобраться. Вопросы цепляются один за другой и конца-края им не видно.

Как же хорошо, что в этой сложной ситуации я не один! У меня впервые в жизни — почему-то я совершенно точно уверен в том, что впервые — появились настоящие друзья, готовые прийти на помощь, не задавая вопросов и не выставляя встречных требований. Я помнил, смутно, как сквозь какую-то пелену, что раньше у меня с Эдуардом и Дином были вполне приятельские отношения, но не более того. К дружбе ни я, ни они как-то не стремились, а теперь всё совершенно по-другому. Про остальных участников нашего своеобразного клуба по интересам я даже не говорю. Эльф, вампиры, оборотень, гнома, ведьма — и все входят в мой ближний круг?! Звучит как стопроцентный бред, но ведь так оно и есть, как бы дико и нелепо это ни выглядело.

Я встряхнулся и усилием воли заставил себя вслушаться в оживлённую беседу трактирщика Митрия с Самантой. Глядя на раскрасневшуюся гномочку, я невольно улыбнулся. Надо признать: Странник обладает совершенно специфическим чувством юмора. Ну а как иначе объяснить то, что моё утончённое эльфийское сердце смогла покорить весёлая, язвительная, энергичная и решительная дочь князя Орхона?

Я смотрел, как она ожесточённо торгуется с деревенским трактирщиком не для того, чтобы выгадать лишний золотой, а просто потому что ей нравится сам процесс. Митрий это

прекрасно понимает и получает от этой шутиливой перебранки не меньшее удовольствие, чем Саманта.

Эльфийская память похожа на бесконечную галерею пластин из тончайшего хрусталя. Каждый жест, каждое слово, каждый оттенок закатного или рассветного неба хранится там веками, не тускнея. Моя же нынешняя память напоминала разбитое зеркало: сотни острых, сверкающих осколков, которые больно впиваются в пальцы при попытке собрать их воедино.

Я помнил форму листа тысячелетнего дуба, растущего возле дворца Правителя Светлого Леса. Помнил непередаваемо прекрасную мелодию ветра в изумрудных кронах Аэллорила. Помнил, как правильно держать церемониальный лук и сколько на нём должно быть серебряных насечек. Но я совершенно не помнил лица своей матери. Не помнил законов Светлого Леса. И лишь смутно, на уровне фантомной боли, догадывался, что где-то там, в сияющем золотом лесу, есть тронный зал и, собственно, Хрустальный трон. Зал, куда никогда не ступит нога того, кто опозорил свой род. А вот дальше — провал. И вопросы, вопросы, вопросы...

Я ненадолго прикрыл глаза, вслушиваясь в знойный день, царящий вокруг: он пах совсем не по-эльфийски. Там, дома, дневной воздух — это хрустальная дистиллированная вода с каплей прозрачной росы, нотками жасмина и цветущей жимолости. Здесь же... Здесь остро пахло нагретым деревом, сухой травой, слегка — конским потом и ею, Самантой. От неё всегда исходил этот незаметный остальным, но яркий для меня сладковато-терпкий аромат раскалённого камня, железной руды и чего-то пряного, яркого, живого. Этот запах пробивался сквозь пелену дорогих духов, которыми пользовалась княжна, и по нему я — не хуже какого-нибудь оборотня — смог бы отыскать свою Сэм где угодно, потому что он пропитал мою одежду, запутался в волосах, стал частью моей собственной крови...

Интересно, чего это меня понесло на столь возвышенные сравнения? Наверное, это последствия необдуманного употребления настоек отца Лин, которого местные знают как ведьмака Хоря. На самом-то деле он маг, Хорст ван Ларсин, уже получивший от Эдуарда предложение занять должность придворного мага.

«Эльфы не женятся на гномах». Фраза Кассандры, матери нашей Лин, не стала для меня откровением. Ну не женятся, и что с того? А я женюсь, и мне для этого не нужно разрешение главы рода. Нам всё равно не дадут спокойно жить в Светлом Лесу, даже если бы Сэм на это и согласилась. Трон? ... Трон я верну, но не потому что он мне очень нужен, а просто из принципа. И непременно разберусь, как получилось, что Светлый Лес даже не пытался нормально искать меня, принца Романнувиэля, второго в очереди на Хрустальный трон? Я так понял Эдуарда, что они прислали один официальный запрос по дипломатическим каналам, получили такой же официальный ответ и на этом всё. Впрочем, об этом я подумаю потом... Но разберусь непременно!

Для народа, чья жизнь измеряется тысячелетиями, традиция — это вторая скелетная основа, более прочная, чем позвоночник. Союз эльфа и гнома? Это всё равно что попытаться обвенчать утренний туман с гранитной скалой: бессмыслица, абсурд, извращение самой природы вещей. Гномы коуют металл в недрах, они суть земля, плотность, неизменность. Эльфы сплетают чары из воздуха и лунного света, они — это полёт, эфемерность, вечное движение. Это два народа, которые не просто дышат разными мирами, они противоположны во всём. Эльфы никогда не враждовали с гномами, потому как не имели с ними точек соприкосновения. Ветер ведь не воюет с подземным ручьём? Им просто нет дела друг до друга...

А если бы я даже попытался привезти её туда, где родился... Я на мгновение представил Саманту на Мраморной террасе Светлого Чертога. Вот она стоит среди изящных, высоких, тонкокостных лордов и леди в шелках. Они уничтожат её не злобой, нет. Всё будет гораздо хуже: мои сородичи попытаются растоптать Сэм жалостью, своей безупречностью, своими снисходительными улыбками, своим ледяным этикетом, требующим знать три тысячи способов сложить салфетку, но запрещающим проявлять искренние чувства. И моя прекрасная, смешли-

вая, искренняя Сэм превратится в глазах Двора в забавного, грубоватого зверька. Диковинку, которую принц подобрал в своих странствиях. Игрушку, которая, по их мнению, быстро надоест.

— О чём задумался, Ромашка? — голос Саманты вырвал меня из состояния меланхолии. Моя гномочка отложила подписанный ошалевшим от свалившегося на него счастья Митрием договор и теперь смотрела на меня немного насмешливо, но в её голосе звенели те самые колокольчики тепла, ради которых я готов был справиться с любыми проблемами.

Саманта сладко потянулась и тут же начала искать взглядом свои любимые яблоки, пусть и мочёные, а не свежие. Я мысленно пообещал себе, что, где бы мы с Сэм ни осели в итоге, я непременно посажу там огромный яблоневый сад. Благодаря моим эльфийским способностям он уже через пару лет даст урожай.

Солнечный свет на секунду подсветил выбившуюся из косы медную прядь и румяную щёку, на которой была ямочка, появлявшаяся, когда Саманта пыталась сдержать улыбку. В этом лице не было ни капли той нездешней, пугающей красоты, которой славились мои сородичи, зато оно было настоящим.

— Думаю о том, какой ширины должны быть двери в нашей спальне, — ровным голосом ответил я, стараясь удержать маску невозмутимости.

— Здорово, — энергично закивала Сэм и тут же поинтересовалась, — а зачем?

— Ну как зачем? — я удивлённо посмотрел на смеющуюся княжну. — Чтобы пролезла телега с яблоками, а ты что подумала?

Сэм запрокинула голову и расхохоталась — заливисто, от души, и я, не выдержав, улыбнулся.

Мои сородичи боятся громкого смеха, потому что он нарушает возвышенную гармонию сфер. Они боятся смерти, потому что слишком любят свою бесконечную, абсолютно пустую жизнь.

А ещё я вдруг понял странную вещь: возможно, именно потеря памяти спасла мою душу. Если бы я помнил всё — каждую лекцию наставников о чистоте крови, каждую балладу о недопустимости смещения стихий — Саманта даже не посмотрела бы в мою сторону, а если бы и посмотрела, то очень быстро разочаровалась бы. Амнезия отрезала меня от мертвого серебра Аэллораила, оставив только живое сердце. И пусть высокомерные тени предков смотрят на меня с презрением, пусть Светлый Лес сотрёт все упоминания обо мне в своих песнях...

Если для того, чтобы дышать одним воздухом с Самантой, нужно стать изгнанником — я стану лучшим изгнанником в истории обоих народов. Я построю ей замок из дерева и солнечного камня прямо на границе гор и леса, научу её петь эльфийские гимны (хотя она наверняка будет перевирать мотив), позволю самостоятельно вести всю бухгалтерию и заключать договоры на поставки... да чего угодно.

Наш союз не соединит две расы, это невозможно да и не нужно ни гномам, ни эльфам. Зато он покажет всем самую возможность такого союза, создав нечто третье, нечто новое. И глядя, как солнечные лучи пляшут в дерзких глазах моей княжны, я впервые за долгое время почувствовал, что фрагменты разбитого зеркала внутри меня начинают складываться в одну цельную, очень ясную картину, в которой не было места Светлому Лесу, но было бесконечно много света и любви.

На крыльце послышался шум, и в трактир ввалилась вся прибывшая с нами компания, румяная, уставшая и голодная.

— Митрий, мы снова есть хотим, — со смехом объявила Линда, — чувствую, мы слопаем у тебя все припасы за эти два дня!

— Ничего, Розочка, — усмехнулся уже окончательно пришедший в себя трактирщик, — я так понимаю, что благодаря леди Саманте у нас теперь возможности будут не чета прежним!

— А то ж! — довольно кивнула Сэм. — Ты теперь не просто владелец трактира без названия, ты теперь, Митрий, поставщик княжеского двора! Чувствуешь, как звучит?

— Ты потом обязательно грамоту сделай соответствующую, — посоветовал Саманте император, — а ты, Митрий, её под стекло — и в рамочку на стену. Чтобы все видели, так сказать!

— Сделаем, — кивнула Сэм, — ну, как вы прогулялись?

— Здесь так красиво! — восторженно выдохнула Янисса. — Я бы очень хотела потом купить здесь дом, чтобы приезжать иногда. У нас дома тоже хорошо, но тут и растительность другая, и травы иные. Я с удовольствием пособираю бы здесь лекарственные растения, их тут столько!

— Дык... — Митрий снова завис, — приезжайте, леди, когда захотите, место завсегда найдём, да и дом поставить можно. Плотник у нас — золотые руки!

Тут Митрий покосился на Линду, которая светло улыбнулась и слегка виновато пожала плечами.

— Так вот, — вернулся трактирщик к насущным вопросам, — Матвей вам какой хотите домик поставит: хоть побольше, хоть маленький.

— А скажи, Митрий, — как всегда, слегка лениво протянул граф Арктур, — не найдётся ли у тебя тут где-нибудь помещение, в котором темно и прохладно? Нам бы отдохнуть немного...

— Как не быть! — тут же отозвался трактирщик, давно смекнувший, кого занесло к нему в нашей компании, — сейчас Савосю кликну, он вам мигом в погребе два топчанчика поставит.

— Только уговор: мои яблоки не лопать! — подхватила Саманта, и граф весело подмигнул ей, а я подумал, что два высших вампира, патриарх и глава легендарного клана Полночных Охотников, отдыхающих на топчанах в подвале деревенского трактира рядом с бочонками мочёных яблок... это достойно быть увековеченным в легендах. Такого этот мир ещё совершенно точно не видел!

Глава 3

Саманта

После того, как граф Арктур и Кристофер отдохнули в подвале, мы в очередной раз перекусили и решили всё же заняться тем, ради чего, собственно, в Колдуны и явились: наведаться к развалинам замка, про который нам говорила Лин.

Я видела, что Ромашка чем-то не то встревожен, не то обеспокоен, но с разговорами не лезла, так как прекрасно понимала: ему очень непросто вернуться в те места, где он провёл год, даже не догадываясь, кем является на самом деле. И то, что сейчас ему тяжело и муторно — это совершенно понятно и вполне объяснимо. Захочет — потом сам начнёт разговор, а вот так вот в душу... в разбегу... нет, это неправильно.

Поэтому я не стала ничего говорить, а занялась расчётами: это меня всегда успокаивало и помогало настроиться на нужный лад. А уж когда я посмотрела самые приблизительные выкладки, то настроение стало стремительно улучшаться: если мои расчёты верны хотя бы процентов на пятьдесят, я нашла просто золотую жилу. Главное теперь — всё правильно оформить, чтобы ни одна хитрая гномская... ммм... личность не вздумала влезть в такую замечательную схему. Кто у нас молодец? Правильно, я у нас молодец!

— Сэм, Ромашка, вы с нами?

Голос Лин ворвался в мои размышления как раз тогда, когда я прикидывала, как поинтереснее назвать мочёные яблоки, чтобы это выглядело и привлекательно, и в меру интригующе, и намекало на то, что это вам не просто фрукт, а ого-го что такое! И стоять это «ого-го» мало никак не может!

Я тряхнула головой и увидела, что вся наша компания, включая примкнувших Хоря и Кассандру, стоит на крыльце, и только Линда вопросительно смотрит на нас с Ромашкой. Оглядевшись, я увидела Сириуса, вольготно расположившегося на руках у Хоря и что-то увлечённо ему рассказывающего. Ну и хорошо, значит, дракоша под присмотром. Так-то я не переживала, потому как прекрасно понимала: остальные фамильяры не допустят, чтобы с Сириусом что-нибудь случилось.

— Конечно, с вами, — я с некоторым сожалением отложила бумаги, — а вы что, только меня ждёте, что ли?

— Ну да, — с улыбкой отозвался Эдуард, пересаживая Карлоса с одного плеча на другое. — Лин говорит, до развалин идти недалеко, меньше получаса.

— Паршивое место, — вздохнул стоявший за стойкой Митрий, — не ходили бы вы туда.

— Можно сказать, что это чисто научный интерес, — сказал граф Арктур, сверкнув клыками, но Митрий, надо отдать ему должное, даже не дрогнул.

— Да хоть какой, — буркнул он, — дурное там место, и всё тут. Ну да дело ваше, запретить я вам не могу...

Тут все дружно посмотрели на Эдуарда, и я попыталась представить себе, как Митрий попробует что-то запретить императору. Жаль, что в реальности такого не будет: это было бы незабываемо!

— Мы будем осторожными, Митрий, честное слово, — пообещала трактирщику Линда, и мы наконец-то отправились в путь.

Хорст с Кассандрой идти отказались, сказав, что им пора возвращаться: лечение Кэсс ещё далеко не завершено, ей нельзя надолго покидать Лес. Обнявшись бессчётное количество раз со всеми присутствующими и передав Сириуса мне, родители Лин нырнули в портал вместе с великим Леонардом, а мы отправились к развалинам.

Естественно, о том, что жители Колдунов оставят нас в покое, можно было даже не мечтать. Селяне, побросав все свои дела, группками собрались неподалёку от трактира и теперь

следовали за нами, пусть и на приличном расстоянии. И я их прекрасно понимала — интересно же! Не каждый день в Колдуны навевается император в компании с самым настоящим эльфийским принцем. Особую пикантность ситуации придавало то, что этот самый красавец-принц целый год прожил в деревне под личиной и в статусе «подай-принеси», а невестой императора стала их же, своя, можно сказать собственноручно выращенная ведьма Розалинда. Между прочим, вот если бы не жители Колдунов во главе с Марьяной, то и не стала бы Розалинда такой умницей-красавицей, что даже сам император не устоял! А кто не согласный, так скалка — она всегда под рукой...

Так что удержаться и не подсмотреть, что император со спутниками станет делать в развалинах, не смог никто. Ведь не просто же так он сюда порталом сам перенёсся да ещё такую кучу народу с собой притащил: этак никаких денег не хватит, даже императорской казны.

Впрочем, все эти мысли моментально вылетели у меня из головы, стоило нам выйти из симпатичного лесочка и пересечь пестреющую цветами поляну. Сначала мне показалось, что солнце, нещадно палившее с самого утра, наконец-то спряталось за облако, но, подняв голову, я убедилась, что небо абсолютно чистое. Просто в воздухе появилось нечто такое, отчего захотелось натянуть на себя что-то тёплое, а лучше — развернуться и отправиться обратно в трактир.

— Атмосферное местечко, — нарушил всеобщее молчание граф Арктур, — не думал, что такие ещё где-то сохранились.

Я молча с ним согласилась и внимательно посмотрела на развалины старого замка, в котором, если верить местным легендам, когда-то жили могущественный колдуны. Отсюда, собственно, и взялось название деревни.

— Здесь всегда холодно и сыро, — негромко сказала Линда и зябко поёжилась, — но сейчас как-то особенно заметно. Такое впечатление, что этому месту не очень нравится наш визит.

— Ещё бы, — проворчал Тофер, решительно направляясь к развалинам и неожиданно легко запрыгивая на первый большой камень, — оно, это место, чувствует нашу силу и не понимает её.

— В каком смысле — не понимает? — тут же заинтересовалась Яна, которая тоже оглядывалась без страха, но с неприкрытым интересом.

— Оно чувствует привычную ему магию Линды, она ему знакома, но при этом его смущает присутствие, так сказать, незапланированной магии эльфов, оборотней и вампиров. Тут кто угодно растеряется.

Я слушала объяснения вампирского патриарха и осматривалась, пытаясь составить личное впечатление об этом тревожном месте.

Дикий плющ, толстый, как корабельные канаты, густо оплетал то, что осталось от когда-то наверняка высокой замковой стены. Он проникал в щели между камнями, раздирая древнюю кладку изнутри, словно природа пыталась стереть это место с лица земли, но сама отравилась здешним воздухом и теперь лишь бессильно угасала. Из-под корней пробивалась бледная, болезненно-высокая трава с острыми листьями. Она стояла неподвижно, потому что ветер тоже старался держаться от развалин подальше. Воздух был спертый, тяжелым, пахнущим влажной пылью, горьким пеплом и туманом.

Эдуард поёжился и, споткнувшись, с треском раздавил сапогом трухлявый пенёк, после чего ощущение назойливого чужого взгляда из провалов, когда-то бывших дверями или оконными проёмами, резко усилилось.

— Бр-р-р, — поежилась я и с трудом удержалась от того, чтобы не прижаться к Ромашке, просто на всякий случай. — Лин, мне здесь категорически не нравится. Воздух тяжелый, аж в ушах звенит.

Я сделала шаг вперед, сходя с едва заметной тропинки на ковер из бледной травы, и вдруг замерла, положив ладонь на ближайший замшелый валун у подножия разрушенной башни. Мы, гномы, находимся с камнями в совершенно особых отношениях: мы их понимаем, чувствуем и слышим точно так же, как эльфы слышат голоса травы и деревьев, ветра и лунного света.

Постаравшись не обращать внимания на встревоженные взгляды друзей, я опустилась на колени перед ближайшим камнем, открывшись ему и послав импульс, который можно было бы перевести как «я своя, не бойся, расскажи мне всё...»

И камни откликнулись: сначала неохотно, настороженно, словно опасаясь какого-то подвоха, но чем дальше, тем больше информации они старались мне передать. В какой-то момент мне даже показалось, что я захлебнусь в потоке образов, мелькающих картинок, невнятного шёпота. Это для остальных камни молчали, но не для меня. Сначала послышался гул, глубокий, вибрирующий бас истинных корней земли. Он шел откуда-то снизу, из самых дальних каверн, оттуда, где нет ничего кроме пламени и камня. Затем сквозь этот мощный шум пробился скрежет: горький, рваный звук застарелой боли.

Камни помнили всё: они плакали чёрными слезами подземных ручьёв, рассказывая о чудовищном ударе извне, когда сама Изнанка попыталась вырваться наружу прямо здесь, в этом лесу. Древняя мощь била сюда не молниями — она текла густым туманным потоком, уничтожая на своём пути всё живое. Камни крошились, а магия тех, кто противостоял силе Изнанки, таяла, поглощаемая безжалостным и равнодушным туманом.

— Саманта, — окликнул меня кто-то, но я даже не узнала голос, настолько меня захватили эмоции, транслируемые развалинами. Они словно обрадовались, что нашёлся хоть кто-то, способный их услышать, и теперь торопились рассказать мне о своей боли, о своей тоске и своём страхе: вдруг то, что однажды уже произошло, может повториться?!

Я успокаивающе погладила камень и постаралась передать хоть немного тепла и уверенности в том, что рано или поздно всё будет хорошо.

Поднявшись с колен, я глубоко вдохнула и внимательно посмотрела на друзей, которые молча ждали, что я скажу.

— Здесь была битва, — откашлявшись, начала я, — камни не возражают, чтобы я сказала, хотя им и страшно. Эти развалины болят, они отравлены чуждой этому миру магией, она подтачивает их изнутри, и у них уже почти нет сил сопротивляться. Страх — это по сути дела единственное, что у них осталось, он вьелся в них так глубоко... как корни столетних деревьев пронизывают землю вокруг себя иногда на десятки лиг.

— Тогда понятно, — кивнул каким-то своим мыслям вампирский патриарх, — я чувствую здесь достаточно сильные, хотя и давние отголоски смерти. Ты улавливаешь их, Арт?

— Конечно, — кивнул непривычно серьёзный глава клана Полночных Охотников, лучших наёмных убийц из всех существующих, — и если сначала я планировал обыскать эти развалины, то сейчас я бы посоветовал уйти. Мы не готовы к столь опасному предприятию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.